

ISAAC ASIMOV

**LUCKY STARR
AND THE PIRATES
OF THE ASTEROIDS**

*Фредерику Полу,
логической несообразности —
милому агенту*

Глава 1

ОБРЕЧЕННЫЙ КОРАБЛЬ

Пятнадцать минут до старта. «Атлас» застыл в ожидании. Гладкие полированные борта космического корабля блестели в ярком земном свете, заполнившем небо Луны. Тупой нос глядел вверх, в пустое пространство. Вакуум окружал его, а под ним простиралась мертвая пемза лунной поверхности. Количество экипажа — ноль. На борту нет ни одного человека.

Доктор Гектор Конвей, глава Совета Науки, спросил:

— Который час, Гус?

Он чувствовал себя неудобно в помещении Совета на Луне. Ему было бы уютнее, находишься он на Земле, на вершине иглы из

камня и стали, которую называют Башней Науки. В окне открывался бы вид на Интернациональный Город. Конечно, на Луне пытались создать видимость комфорта. В помещениях — фальшивые окна, а за ними ярко освещенные картины земной жизни, естественно освещенные. Свет за окном в течение дня менялся, соответствуя утру, полудню и вечеру. А в периоды сна за окном все темнело, и свет становился темно-синим. Но для землянина типа Конвея этого было недостаточно. Он знал, что, если разбить стекло, за ним окажутся только раскрашенные миниатюры, а дальше — другое помещение или, может быть, скальные породы Луны.

Доктор Августас Хенри, к которому обратился Конвей, взглянул на часы. Попыхивая трубкой, он проговорил:

— Еще пятнадцать минут. Не о чем беспокоиться. «Атлас» в прекрасной форме. Я сам вчера проверил.

— Знаю. — У Конвея абсолютно седые волосы, и выглядит он старше худощавого Хенри, хотя они ровесники. Он сказал:

— Я беспокоюсь о Счастливишке.

— Счастливишке?

Конвей застенчиво улыбнулся.

— Боюсь, я перенял привычку. Я говорю о Дэвиде Старре. Сейчас все его так зовут. Ты разве не слышал?

— Счастливишка Старр? Счастливишка? Прозвище ему подходит. Но где он сам? В конце концов, это его идея.

— Совершенно верно. Такие идеи могут возникать только у него. Думаю, в следующий раз он возьмется за сирианский консулат на Луне.

— Хорошо бы.

— Не шути. Иногда мне кажется, что ты одобряешь его стремление все делать в одиночку. Я потому и прилетел на Луну: присмотреть за ним, а не за кораблем.

— Если ты прилетел за этим, Гектор, ты отлыниваешь от работы.

— Ну не могу же я всюду ходить за ним, как курица за цыпленком. С ним Верзила. Я сказал малышу, что сниму с него кожу живьем, если Счастливишка решит в одиночку

вторгнуться в сирианский консулат. — Хенри рассмеялся. — Говорю тебе, он это сделает, — проворчал Конвей. — И что всего хуже, выйдет, разумеется, сухим из воды.

— Ну и что?

— Это еще больше подбодрит его, и однажды он чрезмерно рискнет, а он для нас слишком ценен, мы не должны его потерять!

Джон Верзила Джонс, покачиваясь, шел по утоптанной глиняной поверхности и с величайшей осторожностью нес свою кружку пива. Псевдогравитация не распространялась за пределы города, поэтому в районе космопорта приходилось самому справляться с полем тяготения Луны. К счастью, Джон Верзила Джонс родился и вырос на Марсе, где тяготение составляет две пятых земного, так что ему не было особенно трудно. На Марсе он весил бы пятьдесят фунтов, а на Земле сто двадцать. Он подошел к часовому, который, забавляясь, следил за ним. Часовой был в мундире Национальной лунной гвар-

дии и привык к местному тяготению. Джон Верзила Джонс сказал:

— Эй! Не стой так мрачно. Я принес тебе пиво. Выпей!

Часовой удивился, потом с сожалением отказался:

— Не могу. На посту нельзя.

— Ну ладно. Справлюсь сам. Я Джон Верзила Джонс. Зови меня Верзила.

Он доходил часовому только до подбородка, а тот не был особенно высок, но когда Верзила протянул руку, он это делал как бы сверху вниз.

— Меня зовут Берт Уилсон. Ты с Марса? — Часовой взглянул на красно-зеленые полусапожки Верзилы. Только фермер с Марса может оказаться в таких сапогах в космосе.

Верзила с гордостью посмотрел на них.

— А как же. Сижу здесь уже неделю. Великий космос, что за скала эта Луна! Вы, парни, так и сидите, не выходя на поверхность?

— Иногда выходим. По делу. Там не на что смотреть.

— Хотел бы я выйти. Не люблю сидеть в курятнике.

— Вон там выход на поверхность.

Верзила взглянул туда, куда указывал палец сержанта. Коридор, тускло освещенный на удалении от Луна-сити, сужался и переходил в расщелину в стене. Верзила сказал:

— У меня нет костюма.

— Даже если бы захотел, ты не смог бы выйти. Без специального пропуска никому не разрешен выход — на время.

— А почему?

Уилсон зевнул.

— Там готовится к старту корабль. — Он взглянул на часы. — Минут через двенадцать. Может, после этого строгости отменят. Я не знаю, в чем дело.

Покачиваясь на пятках, часовой смотрел, как остатки пива исчезают в глотке Верзилы.

— А где брал пиво? В портовом баре Пэт-си? Там много народу?

— Пусто. Слушай, что я тебе скажу. Тебе нужно пятнадцать секунд, чтобы туда до-

браться. Я постою за тебя и присмотрю, чтобы ничего не случилось.

Уилсон вождеденно посмотрел в направлении бара.

— Лучше не надо.

— Как хочешь.

Никто из них, похоже, не заметил фигуры, прокравшейся мимо по коридору и исчезнувшей в расщелине, которая вела к прочной двери — выходу на поверхность. Ноги Уилсона сами пронесли его несколько шагов к бару. Потом он сказал:

— Нет! Не стоит!

Десять минут до старта. Это была идея Счастливчика Старра. Он находился в кабинете Конвея, когда пришло сообщение, что корабль земного регистра «Уолтхем Захари» был вскрыт пиратами, груз исчез, офицеры превратились в замороженные трупы, а большинство экипажа оказалось в плену. Сам корабль был слишком поврежден, чтобы пираты его захватили. Но все, что можно было

с него снять, они сняли, даже инструменты и двигатели. Дэвид сказал:

— Наш враг — пояс астероидов. Сто тысяч скал.

— Больше. — Конвей выплюнул сигарету. — Но что мы можем сделать? Даже когда Земная империя была полна сил, мы не смогли справиться с поясом астероидов. Десять раз отправлялись туда и очищали осинные гнезда, но оставляли достаточно, чтобы они возрождались и причиняли новые беды. Двадцать пять лет назад, когда...

Седовласый ученый замолчал. Двадцать пять лет назад родители Дэвида были убиты в космосе, а сам он, маленький мальчик, в одиночестве блуждал в пространстве. В спокойных карих глазах Счастливого не отразилось никакого чувства.

— Беда в том, что мы даже не знаем, сколько астероидов и где они.

— Естественно. Нужно сто кораблей и сто лет, чтобы пометить все астероиды приличного размера. И даже тогда тяготение Юпитера не перестанет изменять их орбиты.

— Можно попробовать. Пусть до пиратов дойдет слух о картографической экспедиции. Если мы пошлем один корабль, они не будут знать, что это немыслимая работа, и, побоявшись последствий картографирования, атакуют его.

— И что тогда?

— Допустим, мы пошлем автоматический корабль, полностью оборудованный, но без экипажа.

— Дорогое удовольствие.

— Оно может оправдаться. Корабль снабдим шлюпками, которые автоматически стартуют, когда приборы корабля регистрируют характерные колебания приближающегося гиператомного двигателя. Что сделают пираты?

— Расстреляют шлюпки, возьмут корабль на абордаж и отведут на свою базу.

— На одну из своих баз. Верно. Увидев шлюпки, они не удивятся, не найдя на борту экипажа. Ведь, в конце концов, это безоружный исследовательский корабль. От такого корабля не стоит ждать сопротивления.